

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 13, Is. 1, pp. 70-76, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.13.70
www.ejournal15.com

Reviews and Surveys

UDC 497

Khlynina, T.P. and Krinko, E.F. (2014). History, Policy and Nation Building in the Northern Caucasus. Roston-on-Don. SSC RAS Publishers. 434 p.

Yuriy Yu. Klichnikov

Pyatigorsk State Linguistic University, Russian Federation
Dr. (History)

Abstract

The article is devoted to reviews on the book «History, Policy and Nation Building in the Northern Caucasus» by the famous explorers of the Northern Caucasus T.P. Khlynina and E.F. Krinko.

Keywords: history; policy; nation building; Northern Caucasus.

Вышедшая в свет новая монография известных в отечественном кавказоведении специалистов Татьяны Павловны Хлыниной и Евгения Фёдоровича Кринко является удачным примером синергетического эффекта в науке, когда два разноплановых исследователя, объединив свои усилия, сумели создать работу, в которой комплексно и органично слились исторические, культурологические, социальные и политические вопросы. Сама структура представленного труда говорит о весьма широком проблемном охвате, характерном для этой книги.

Семь глав, каждая из которых вполне могла стать самостоятельной темой для разработки, позволяют получить наглядную картину того, как происходил непростой процесс нацистроительства на Северном Кавказе – традиционно проблемным регионе с весьма взрывоопасным конфликтным потенциалом. По мнению авторов, именно незавершённость этого процесса и обуславливает наличие многих проблем, которые безуспешно пытается разрешить российская государственность на очередном витке своего исторического развития.

Разработка этой темы необычайно сложна в силу как объективных, так и субъективных обстоятельств. Авторы не скрывают тех трудностей, которые им приходилось преодолевать. Работа с «живой историей» традиционно затрудняется болезненной реакцией непосредственных участников событий на недостаточно комплиментарные, по их мнению, трактовки прошлого. Но преодоление этих препятствий и придаёт труду новаторский характер.

В первой главе речь идёт о роли исторической памяти в жизни народов, показывается тот позитивный и негативный потенциал, который несут в себе примеры из прошлого. Исследователи отмечают тревожную тенденцию, при которой происходит разрыв между

сферой образования и академической историей, вытеснение памяти об общем прошлом народов нашей страны «национальной» историей, ставшей влиятельным ресурсом современной политики. Ставится вопрос о месте и роли нынешних служителей Клио, профессиональная ответственность которых перед обществом возрастает.

Любопытны рассуждения о табуированности части тем, которые вызывают болезненный общественный резонанс. Как оказалось, «дела давно минувших дней» по-прежнему будоражат общество и могут повлиять на перспективы развития региона. Т.П. Хлынина и Е.Ф. Кринко не дают готовых рецептов, как в этой ситуации поступать историку. Их работа – скорее призыв к размышлению, обозначение наиболее болезненных сторон выделенной проблемы.

Далеко не все выводы авторов воспринимаются однозначно. Безальтернативное неприятие попыток властей найти в прошлом примеры позитивного единения в русско-северокавказских отношениях и использовать их на практике (речь идёт о юбилейных мероприятиях, связанных с формированием общего государственного пространства) поневоле заставляет вспомнить, к чему привело увлечение конфликтными сюжетами в совместной истории. Так ли уж сильно отличаются здравицы в честь «добровольного вхождения», звучавшие в советское время, от тех патриотических акций, которые проводятся сейчас в северокавказских субъектах Российской Федерации с целью продемонстрировать свою приверженность лозунгу «Россия – наш общий дом!»?

Использование властью наработок учёных-историков не обходится без анализа со стороны авторов монографии. Исповедование принципа «не навреди», в целом оправданного и рационального, к сожалению, оборачивается стагнацией в исторических исследованиях. Нередко административный прессинг становится «Ultima ratio regum» в борьбе с неудобными трактовками прошлого со стороны оппонентов. Такая практика во многом объясняется тем, что для Северного Кавказа прошлое – это скорее живая традиция, чем застывшая история, и её актуализация в немалой степени вызвана незавершённостью процесса нациестроительства, о чём говорится во второй главе представленного труда.

Созданию наций из народов, проживающих на Северном Кавказе, советская власть уделяла огромное внимание. Это был один из приоритетных социальных проектов большевиков, с помощью которого они, по мнению исследователей, получали «средство борьбы за социализм». В качестве инструмента на первом этапе выступала автономия, которую начали активно внедрять в местной практике.

Анализируя советский опыт, исследователи при этом совершают исторический экскурс в предшествующий период, что даёт возможность оценить проблему на фоне широкой исторической ретроспективы. Подобная масштабность позволяет читателю получить панорамное представление о тенденциях, характерных для проблем, которые и в наше время будоражат общественное сознание (например, пресловутый «черкесский вопрос», бывший на слуху в преддверии зимней Олимпиады 2014 г.).

Останавливаясь на проблеме коренизации, авторы отмечают, что с её помощью советская власть стремилась заручиться поддержкой горских народов, чьё социально-экономическое и культурное развитие всячески поощрялось и подталкивалось. Видится удачным использованное выражение, отражающее суть данного процесса – «спонсируемый государственный эволюционизм». На этом пути пришлось столкнуться с серьёзными проблемами и издержками, расплачивалось за которые нередко русское население региона. Возросшее в итоге самосознание народов Северного Кавказа потребовало проведения особой политики, учитывавшей этот фактор.

Сформировалась новая элита, которая, используя представившиеся возможности советского «социального лифта», стремилась закрепить свой статус среди сородичей. Исследователи отмечают, что изначально для этих представителей советской номенклатуры был характерен приоритет этнических ценностей над партийными. В дальнейшем эта черта региональной элиты только укреплялась. Читатели узнают, как нелегко было соединять «кабинетные идеи», весьма далёкие от жизненных реалий, с практической работой. Отсюда и причудливые зигзаги в биографии весьма незаурядных личностей, которые олицетворяли собой новый облик северокавказских руководителей.

Отдельного внимания авторов удостоилась проблема, связанная с судьбой казачества. Оказавшись заложниками весьма неблагоприятных для них исторических обстоятельств,

назначенные на роль ответчиков за «прегрешение царского режима», они пытались найти выход в позиционировании себя как самостоятельной этнической группы, добивались равных прав и возможностей с прочими северокавказскими этносами. Данная проблема не решена и по сей день. Осознавая самобытность казаков, власти при этом не могут определиться с тем, как им трактовать этот культурно-исторический феномен. Примечательно, что в различных субъектах, где компактно проживают казаки, местные власти самостоятельно вырабатывают собственный курс по взаимоотношению с ними.

В третьей главе речь идёт о тех властных органах, которые осуществляли и осуществляют решение национальных вопросов в регионе. Появление специального ведомства, которое должно было заниматься проблемой национальностей, было мерой вынужденной и политически актуальной. Появившийся в декабре 1917 г. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР стал первым опытом в распутывании сложнейшего клубка вопросов, который представляла собой национальная проблема в стране. Северокавказские реалии, с которыми столкнулись большевики, не могли быть сведены исключительно к решению проблем социально-экономического и культурного развития. Лозунги интернационализма зачастую вызывали недоверие у местных жителей, а имеющийся у них исторический опыт был ориентирован на отстаивание, прежде всего, узко этнических интересов. Потребовалось выделить данный вопрос в отдельное направление, чтобы особый орган курировал проблемы межнационального взаимодействия. В дальнейшем этот орган неоднократно реорганизовывался, его полномочия менялись. И даже сейчас, когда формально отказались от такого координирующего органа, в реальности, по мнению Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко, национальные вопросы разрешаются «по рецептам советской эпохи».

Авторы акцентировали внимание на вопросе, связанном с репатриацией черкесов на историческую родину. Вокруг него ведутся активные дискуссии, звучат призывы «восстановить историческую справедливость», от федеральных властей требуют взять на себя обязанность по возвращению и реабилитации потомков мухаджиров. Но как показывает практика, главной проблемой здесь становится достаточно унылая социально-экономическая ситуация, сложившаяся в республиках, где адыги являются титульными этносами, и нежелание находиться в «банановом рае для избранных».

Осознание необходимости заниматься насущными социально-экономическими и национально-культурными задачами авторы видят и в угасании некогда бурной дискуссии вокруг создания национального района причерноморских адыгов-шапсугов. Постепенно вырабатывается вполне конструктивное взаимодействие между руководством Краснодарского края и лидерами общественных организаций, выступающих от имени этого субэтноса.

Вопросы, связанные с институционализацией исторической памяти и практики её поддержания, поднимаются в четвёртой главе монографии. Авторы подробно останавливаются на оценке роли музеев в процессе нацистроительства на Северном Кавказе. Показывается, по какому принципу шло формирование экспозиций, осуществлялся сбор артефактов. Опираясь на собранные сведения, авторы выделяют черты, в целом свойственные для всех музеев региона. По мнению Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко, это, в частности, уважительное отношение к советскому периоду истории, сохранение памяти о боевых и трудовых подвигах местных жителей. В последние годы организуются выставки, связанные с событиями депортации и массовых политических репрессий в сталинское время. Возрастает роль музеев в формировании позитивного имиджа той или иной республики как в пределах Российской Федерации, так и за рубежом. В контексте заявленной авторами темы, музеи способствуют популяризации в доступной для широкой общественности форме вопросов, связанных с «интерпретацией истории государствообразующих этносов», и таким образом участвуя в исследуемом процессе.

Особое внимание уделяется событиям Кавказской войны, ставшей источником целой череды мемориальных конфликтов. Трактовка этого явления, оценка роли тех или иных участников событий полуторавековой давности порой диаметрально противоположна. Освещая этот сюжет, авторы показывают, как менялась позиция официальных властей по данному вопросу, какие идеологические функции должны были выполнять памятники, посвящённые противостоянию империи и части населения Кавказа.

Потребность в позитивной исторической памяти привела к установлению целой череды памятников, демонстрирующих процесс добровольного единения народов региона с Россией. Проводились соответствующие юбилейные мероприятия, что, по мнению Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко, далеко не всегда имело позитивные последствия. Представляется, что исследователи несколько переоценивают «шумное возмущение местной интеллигенции» по данному вопросу. Оно имело место несколько позднее и было связано с переделом власти в республиках, для чего понадобился соответствующий негативный исторический фон, позволивший мобилизовать общественность в борьбе с «исторической несправедливостью». Эта шумная кампания была необходима для шантажа центральной власти и получения новых экономических и политических преференций, способствовала обновлению региональной элиты. Любопытно, что, несмотря на кажущуюся негативную реакцию ряда общественных организаций, и нынешние руководители северокавказских республик не отказываются от такой практики, всячески демонстрируя пророссийский выбор возглавляемых ими народов как в прошлом, так и в настоящем. В целом авторы убеждены, что тема «Кавказской войны» не потеряла своей актуальности, а её мемориализация, приобретя «этнически выраженный и эмоционально окрашенный характер», не перестаёт усиливать градус напряжённости в регионе.

По-прежнему велика роль «мест памяти», связанных с Великой Отечественной войной. Многочисленные мемориальные комплексы прославляли героизм выходцев с Северного Кавказа, их жертвенность и вклад в общую победу над врагом. Волна нигилизма, захлестнувшая общество в 1990-е гг. и переоценка событий, связанных с памятью о войне, для региона в целом была нехарактерна. Если памятники и подвергались разрушению, то это было связано скорее с отсутствием необходимого финансирования по поддержанию их в должном состоянии. В дальнейшем ситуация с реставрацией мемориалов улучшилась. Сейчас к ним стали добавляться памятники, посвящённые участникам боевых действий в Афганистане и Чечне. Стремлением подчеркнуть вклад того или иного народа Северного Кавказа в разгром фашизма авторы считают своеобразную «конкуренцию» за право иметь на своей территории «Город воинской славы». О том, что эта тема не является искусственным проектом властей, говорит тот факт, что люди порой сами открывают музеи, где память о войне показана сквозь призму семейной истории. Можно говорить, что такие идеалы необходимы для формирования национальной идентичности. Существует и потребность в памятниках, посвящённых жертвам депортации, которой подвергся ряд народов региона. Исследователи считают, что «попытки подсчитать, какой народ внес больше вклад в Победу или более других пострадал от преступлений сталинизма, в значительной степени объясняются этническими комплексами, своеобразными “болезнями роста” национального самосознания». Существующая травматическая интерпретация прошлого нередко мешает выстраиванию взаимоотношений между народами региона, затрудняет их собственное поступательное развитие.

В главе пятой разбираются особенности национального образования в контексте нацистроительства. Авторы подчёркивают роль языка, культуры и образования в деле формирования наций. Траектории становления и развития системы национального образования в различные периоды прошлого заметно отличались. В советский период акцент делался на прославлении достижений в сфере культурной революции, сыгравшей важную положительную роль в жизни народов Северного Кавказа. В 1990-е гг. напротив – зазвучали обвинения в подавлении национальных традиций и стремлении культурно ассимилировать местные этносы.

Необходимость создания национальной письменности у различных народов региона осознавалась уже с самого начала его присоединения к России. Большевики придали этому вопросу политическое звучание. На это были брошены немалые материальные и интеллектуальные ресурсы. Но почти сразу данная задача столкнулась со множеством преград, в том числе и с позицией самих горцев. Они весьма прагматично отмечали, что их детям необходимо знание русского языка, который позволял сделать успешную карьеру, причём не только в собственной республике, но и за её пределами. Не помогал преломить ситуацию даже административный нажим, осуществлявшийся из центра. Оказался неудачным эксперимент по переводу письменности народов Северного Кавказа на латинскую основу, что неудивительно, т.к. делалось это не столько исходя из практической

потребности, сколько из стремления продемонстрировать «уважение ко всем нерусским народам». Это был один из важных шагов по претворению в жизнь политики коренизации, когда ставка делалась на кадры из числа автохтонного населения.

Для подготовки квалифицированных кадров создавались национальные педагогические институты, сыгравшие важную роль в деле просвещения местных народов. Они стали подлинной кузницей новой горской интеллигенции, которую стремились воспитывать на идеалах социализма. Во второй половине 1930-х гг. национальные языки начинают переводить на кириллическую основу, что способствовало сближению культуры местных народов с русской культурой. Это диктовалось не только потребностями проводившейся социально-экономической модернизации, но и военно-политической необходимостью, было жизненно важно в преддверии надвигавшейся мировой войны. Впрочем, от политики коренизации школы не думали отказываться, хотя для осуществления задуманного явно не хватало ни средств, ни времени. Авторы приходят к выводу, что вплоть до 1980-х гг. развитие национального образования на Северном Кавказе складывалось под влиянием двух взаимоисключающих тенденций. С одной стороны, это была декларированная коренизация, с другой стороны – необходимость унификации, которая в конечном итоге и восторжествовала.

В конце 1980-х гг. на фоне структурного кризиса, поразившего СССР, эта проблема вновь актуализировалась. В процессе противостояния руководства РСФСР с союзными властями российское руководство стремилось разными способами заручиться поддержкой региональной элиты, в том числе принимая различные нормативно-правовые акты, расширяющие право применять родной язык в различных сферах, в том числе и образовании. Но вновь, как и прежде, эйфория национального возрождения столкнулась с реальными потребностями общества, нуждавшегося в языке межнационального общения, которым мог быть только русский язык. По мере укрепления властных институтов от опасного популизма отказывались, в том числе и в языковой политике. Сохраняя право каждого народа на изучение родного языка, принятый в 2012 г. Федеральный закон об образовании обязывает каждый субъект осуществлять преподавание и изучение государственного языка. Осознавая тщетность искусственного навязывания, повсеместного внедрения национального языка, авторы монографии считают перспективным иной способ популяризации родной культуры и истории. Это различные мероприятия в информационной и культурно-познавательной сферах, которые будут вызывать интерес у жителей республик к своему прошлому.

Ещё один раздел рассматривает вопросы, связанные с общеобразовательной школой, формированием любви к «малой Родине» и конструированием национальной идентичности. На фоне повышенного интереса общественности к содержанию школьных учебников истории, дискуссии вокруг концепции единого учебника в северокавказских субъектах также разгораются страсти по поводу «правильной» версии интерпретации прошлого. Сама по себе эта проблема не нова. В своё время большевики, которые видели в школе один из рычагов государственной политики, стремились широко внедрить в учебную программу элементы краеведения. Но по мере усиления универсалистских подходов увлечение местной историей проходило, внедрялись единые учебные планы, предусматривающие обязательный минимум знаний и навыков по учебным дисциплинам.

В довоенный период появляются первые научно-исследовательские учреждения, в которых приоритетными были направления, связанные с местной проблематикой. Они внесли серьёзный вклад в изучение фольклора, этнографии, истории народов Северного Кавказа. Однако ужесточение советского режима, произошедшее в 1930-х гг., привело к тому, что были репрессированы многие краеведы, признаны не соответствующими марксистско-ленинской идеологии выпущенные учебники, а само краеведение вытеснено из школьного образования. Ситуация усугубилась потерями, понесёнными в годы великой Отечественной войны, когда безвозвратно погибла часть собранных краеведческих материалов.

Процесс восстановления научно-исследовательских учреждений, начавшийся в 1950-е годы, происходил медленно, но в целом результативно. Издавались обобщающие труды по истории автономных областей и республик. Вернулось краеведение и в школу, оставаясь, впрочем, уделом педагогов-энтузиастов, которые по собственной инициативе преподавали

историю «малой Родины» на внеклассных занятиях, в различных краеведческих кружках. Бурный рост краеведения начался со второй половины 1980-х гг. Но вновь, как и в 1920-х гг., национально-региональный компонент не сумел преодолеть те многочисленные трудности, которые были связаны с недостатком подготовленных учителей, несогласованностью с предметами федерального компонента. На сегодняшний момент эта проблема так и не решена и, по мнению Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко, «создаёт возможности для дезинтеграции образовательного и культурного пространства России».

Особое внимание в разделе уделяется изучению региональных учебников, в задачу которых входит выполнение определённого социального заказа, а потому его авторы должны исходить не только из своих субъективных предпочтений, но и тех требований, которые диктуются запросами общества. В советское время учебники по региональной истории должны были показывать единство всех народов страны, их дружбу и ненасильственный характер формирования общего государственного пространства. Произошедшие изменения привели к появлению новых подходов в изложении национальной истории, которые, увы, имеют не меньше, а зачастую больше недостатков. На смену советскому интернационализму пришло увлечение этнической историей, противопоставление своего народа всем остальным. Всячески подчёркивается насильственный характер присоединения Северного Кавказа к России, ведётся борьба за «престижных» предков и т.п. Нередко в учебной литературе превалируют сюжеты, связанные с «историческими обидами», всячески формируется комплекс жертвы – и всё это в итоге должно привести к усилению ответной агрессии. По мнению исследователей, на смену одним мифам пришли другие, причём далеко не безобидные.

И здесь в числе наиболее резонансных выделяются исторические сюжеты, связанные с Кавказской войной, которой отводится значительная часть учебного времени. В них конфронтационное противостояние явно превалирует над сюжетами вполне мирного сосуществования русских и горцев. Фактически речь идёт об истории вражды, на примере которой пытаются сформировать мировоззрение нового поколения. В этой связи предложение Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко перестать использовать историю для дестабилизации ситуации в регионе выглядит скорее как благое пожелание и имеет абстрактно-теоретическое, нежели прикладное значение. Представляется, что само общество пока не готово к такому самоограничению.

Завершающая глава рассказывает о национально-культурных автономиях Ростовской области и несколько выделяется из общей концепции представленной монографии. Речь в ней идёт о евреях, армянах и украинцах, уже давно и успешно инкорпорировавшихся в русский социум, но при этом не потерявших собственные культурно-этнические особенности.

Авторы рассказывают о возрождении общественной жизни еврейского населения Таганрога, которое они относят к концу 1980-х гг., когда усилиями инициативной группы решено было изучать родной язык, историю и культуру. Исследователи отмечают, что еврейская идентичность основывается на религиозных воззрениях. Для её поддержания было создано общество «Лэхаим». Широкого размаха это движение не получило, т.к. значительная часть местных евреев выехала в Израиль. Связано это было, по словам одного из информаторов, с поиском материального благополучия. В целом возрождение этнического самосознания связывается не столько с внутренними потребностями, сколько с внешними обстоятельствами. Вся деятельность еврейской религиозной общины постепенно свелась к совместному времяпрепровождению и обсуждению текущих жизненных проблем.

Рассказывая об армянской общине на юге России, авторы характеризуют её как удачный пример адаптации этноса к принимающему сообществу. При этом подчёркивается, что этнос не утрачивает своей идентичности. Из разговоров с респондентами Т.П. Хлынина и Е.Ф. Кринко фиксируют любопытное наблюдение, согласно которому армяне, давно проживающие в русском окружении, начинают отличаться от своих соотечественников, прибывающих из других мест, в частности из Азербайджана, да и самой Армении. Для них историческая родина – это скорее некий символ, нежели реальность, и большинство из них считают себя российскими гражданами, нежели отдельной этнической группой. Имея экстерриториальную идентичность, они готовы с уважением относиться к другим народам и культурам.

Для украинской диаспоры Дона характерен высокий уровень языковой и культурной адаптации, интегрированность в местную социальную жизнь. Этническое самосознание не имеет ярко выраженного проявления, особенно среди молодёжи. Существующие общественные организации занимаются преимущественно культурно-образовательной деятельностью, налаживают связи с Украиной. Они пытаются поддерживать этническое самосознание, находящееся на невысоком уровне, впрочем, без больших успехов. Подводя итог этого раздела, исследователи делают вывод, что «ключевые слагаемые идеальной модели нациестроительства – широкое использование самоуправления и родного языка, формирование элиты и сохранение традиций – остаются практически невостребованными в диаспоральной среде».

В заключение своего труда, авторы приходят к выводу, что для Северного Кавказа характерна «горячая память», оказывающая огромное влияние на события настоящего. Всё ещё незавершившийся процесс нациестроительства сопровождается «мемориальными конфликтами». Впрочем, считают исследователи, они постепенно затухают и со временем будут терять свою актуальность. Тогда общество станет уделять больше внимания вызовам настоящего, а не пытаться жить обидами прошлого.

С авторами этой работы можно и нужно спорить. Но одно, несомненно, – этот труд найдёт своего читателя и станет заметной вехой в отечественном кавказоведении.

УДК 947

Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 2014. 434 с.

Юрий Юрьевич Клычников

Пятигорский государственный лингвистический университет, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Статья посвящена рецензии на книгу известных исследователей истории Северного Кавказа Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко «История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе».

Ключевые слова: история; политика; нациестроительство; Северный Кавказ